

Ця 255333

На правах рукописи

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
Кафедра истории русской журналистики и литературы

ЗДОЛЬНИКОВ ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ

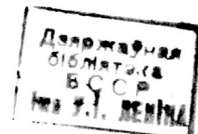
РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 90-х ГОДОВ
XIX ВЕКА

(отражение марксизма в либеральной печати)

10.01.10 — журналистика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА — 1974

Работа выполнена на кафедре истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Б. И. ЕСИН.

Официальные оппоненты: профессор Б. Д. ДАЦЮК;
кандидат исторических наук
В. Г. ХОРОС.

Внешний отзыв: факультет журналистики Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина.

Автореферат разослан « 13 » января 1975 г.

Защита диссертации состоится « 14 » февраля 1975 г.
на заседании Ученого Совета факультета журналистики МГУ,
пр. Маркса, 20, 2-й этаж, ауд. 66.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке факультета журналистики МГУ.

Ученый секретарь Совета

Русская журналистика конца XIX века изучена пока далеко неполно. Можно назвать весьма ограниченный круг работ, посвященных непосредственно печати 90-х годов¹, хотя именно этот период в ее развитии характеризуется важными проблемами, одна из которых — отражение идей марксизма в легальной печати, особые формы пропаганды классовых интересов и принципов в момент формирования на русской почве идеологии нового класса — пролетариата.

Возросший в последнее время интерес общественных наук к десятилетиям, предшествовавшим революции 1905 года, привлёк внимание исследователей и к прессе тех лет. Однако в большинстве своем они обращаются к периодике как источнику фактического материала; реже рассматривают то или иное издание в контексте изучаемого вопроса. Роль источника или вспомогательного объекта исследования отведена печати в трудах П. А. Зайончковского, Л. Г. Захаровой, Н. А. Егiazаровой, А. Д. Косичева, В. А. Келдыша, А. П. Казакова, В. Ф. Пустарнакова, Ю. Б. Соловьева, Б. А. Чагина, Е. Д. Черменского и других авторов. За пределами их интересов остаются, естественно, многие специфические стороны в деятельности газеты или журнала как органов пропаганды, средства формирования и отражения общественного мнения, общественного сознания.

Ряд советских исследователей, рассматривая проблемы распространения марксизма в России, его влияния на русскую общественную мысль в XIX веке, также обращаются к печати,

¹ См. Евгеньев-Максимов В. Е. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века. М.—Л., 1927; Заславский Д. О. Журналистика 90-х и начала 900-х годов. М., 1948; Муратова К. Д. Эвентов И. С. Журналистика. В кн. «История русской литературы», т. X, АН СССР, М.—Л., 1954; Смирнов С. В. М. Горький и журналистика конца XIX в. — начала XX в. Л., 1959; Бережной А. Ф. В. И. Ленин — создатель печати нового типа (1893—1914 гг.), Л., 1971; Из истории русской журналистики конца XIX — начала XX в. Сб. статей и материалов под ред. Б. И. Есина. М., 1973 и нек. др.

но преимущественно демократической или народнической. За бортом остается довольно большой и влиятельный отряд либерально-буржуазной прессы. Особенностью этих работ² являются их временные границы. Авторы (за исключением В. Г. Хороса) заканчивают свои исследования на рубеже 80—90-х годов; многие ограничиваются двумя десятилетиями после реформы 1861 года, т. е. не выходят за пределы разночинского периода освободительного движения. Характерный отпечаток накладывает на них то обстоятельство, что периодика и здесь не является самостоятельным объектом изучения. Такое положение и определило выбор темы диссертации, ее хронологические рамки.

Русская либеральная печать XIX в. внесла свою, весьма своеобразную, лепту (никогда сознательно не преследуя такой цели) в популяризацию марксизма. К. Маркс высоко оценил статью И. И. Кауфмана «Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса», опубликованную в «Вестнике Европы»³. В середине 90-х годов, отмечал В. И. Ленин, «вполне точно» излагалась суть учения в статьях библиографического отдела «Русской мысли»⁴. Интерес буржуазных идеологов к марксизму в условиях самодержавной России отличался политическим прагматизмом, что особенно отчетливо проявляется именно в 90-е годы, когда русское освободительное движение вступило в качественно новый, пролетарский период своего развития. В это время публицисты либеральной печати обращаются преимущественно к историко-философской концепции марксизма, в отличие от предыдущего двадцатилетия, когда учение Маркса имело трибуну в легальной прессе главным образом как система политэкономии. Вопросы отношения к марксизму тесно переплетаются с вопросами борьбы за гегемонию в освободительном движении.

Данная диссертация ставит задачу: опираясь на новейшие достижения марксистско-ленинской теории журналистики, ис-

² См. Реуэль А. Л. Русская экономическая мысль 60—70 годов XIX века и марксизм. М., 1956; Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70 гг. XIX века. М., 1958; Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. М., 1959; Козьмин Б. П. Из истории общественной мысли в России. М., 1961; Володин А. И. В поисках революционной теории. М., 1962; Костин А. Ф. От народничества к марксизму. М., 1967; Вололазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову (об особенностях развития социалистической мысли в России). М., 1969; Хорос В. Г. Народническая идеология и марксизм (конец XIX века). М., 1972; Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 21.

⁴ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 217.

следовать характер отражения, приемы и методы борьбы либерально-буржуазной печати 90-х годов против марксизма, главные направления «критики» в связи с конкретными политическими целями различных слоев русской буржуазии. В. И. Ленин указывал, что «классовый инстинкт нашего врага, классовое суждение его всегда заслуживает... самого серьезного внимания»⁵. В условиях обострения идеологической борьбы на современном этапе суждения, высказанные о революционном учении его врагами или мнимыми друзьями несколько десятилетий назад, представляют практический интерес. Обращение к либеральной печати предреволюционного десятилетия в России дает возможность восстановить генезис современных «контраргументов» буржуазной пропаганды, увидеть их в первоизданности, без позднейших маскировочных украшений.

Диктуемая классовыми интересами «мода на марксизм» в либерально-буржуазной печати конца прошлого века объективно способствовала его распространению вширь. Популяризация учения Маркса как побочный, независимый от намерений издателей и публицистов результат обращения к нему—также один из аспектов анализа либеральной периодики в данной работе.

Хронологически основная часть диссертации ограничена последним десятилетием XIX века. То обстоятельство, что в рамках исследования оказываются завершающие годы разночинского и первые—пролетарского периодов освободительного движения, дает возможность автору показать объективную и субъективную несостоятельность претензий русской буржуазии на руководство всей оппозицией самодержавию, на роль вождя демократии, усиленно выдвигавшихся либеральной публицистикой ввиду кризиса народнической идеологии уже в самом начале 90-х годов.

Главными объектами исследования стали два наиболее крупных либеральных журнала—«Вестник Европы» и «Русская мысль» (1880—1900 гг.)⁶, а также издания «легальных марксистов» «Новое слово» и «Начало» (1897—1899 гг.). Они являлись выразителями трех основных направлений либеральной мысли, отличавшихся различной степенью радикализма, что положено в основу структуры работы. Анализ научных, публицистических и библиографических отделов этих изданий составляет содержание главных разделов диссертации. Публицистика других журналов («Юридического вестника», «Север-

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 108.

⁶ Публицистика этих журналов в 80-е годы рассматривается лишь обзорно во введении.

ного вестника», «Русского богатства») привлекается как дополнительный материал. Автор сознательно выводит за пределы исследования ежедневную либеральную прессу, поскольку в теоретической борьбе, развернувшейся вокруг экономического и исторического материализма⁷ в эти годы, ведущую роль играли толстые журналы. Газеты, несмотря на рост их значения в системе русской печати, все же были лишь отголосками журнальных битв.

Дополнительным источником сведений фактического характера явились для автора фундаментальный труд П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР» (М., 1956), сборник документов и материалов «Рабочее движение в России в XIX веке (1951—1955)», дневники, мемуары общественных и политических деятелей 90-х годов, воспоминания участников революционного движения и документы, опубликованные в журналах «Красный архив», «Пролетарская революция», «Былое» и других, материалы из архивов В. А. Гольцева и журнала «Русская мысль», хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (фонд № 77).

При изучении вопросов взаимодействия политики и практики с публицистикой, функций пропаганды в конкретных исторических условиях, психологических проблем ее восприятия аудиторией автор обратился к трудам Е. П. Прохорова, В. В. Ученовой, М. С. Черпахова, Ю. А. Шерковина.

Методологической основой диссертации является марксистско-ленинское учение о классовом характере печати; работы и публицистические статьи В. И. Ленина, в которых содержится анализ хозяйственной жизни России, характеристика рабочего и социал-демократического движения в изучаемом десятилетии; дается всесторонняя оценка буржуазного либерализма, как политического движения на разных этапах борьбы с самодержавием, и «легального марксизма», который тоже «на деле оказался «отражением марксизма в буржуазной литературе» и через бернштейннианский оппортунизм дошел прямо до либерализма»⁸.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении обоснован выбор темы и определены задачи исследования, дается краткая историография вопроса и оценка литературы по теме. Сюда же включен обзор малоизвестных статей из либеральных журналов 80-х годов, поскольку уже

⁷ Автор сохраняет терминологию, употреблявшуюся публицистикой 90-х годов.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 180.

тогда их публицисты в анализе хозяйственно-экономической жизни России, в спорах с народниками о сути исторического прогресса использовали отдельные положения и выводы из учения Маркса для овящения авторитетом науки русского капитализма.

В первой главе — «Вестник Европы: коренное размежевание» прослеживается почти пятнадцатилетняя история отношений наиболее последовательного течения русского либерализма, выразителем которого был названный журнал, с учением Маркса. Никакое другое издание в 90-е годы не печатало так много статей на эту тему, что объясняется огромным теоретическим авторитетом марксизма. Журнал, стремившийся к строгой научности, не мог в этих условиях выработать мнение ни по одному вопросу русской жизни или дать оценку «умственным течениям», определить свою позицию, не сопоставив их с новым учением.

«Вестник Европы» до середины 90-х годов, когда еще массовое рабочее движение не заявило о себе, а русская социал-демократия находилась на стадии кружков, пытался разделять на самостоятельные части экономическое и историческое учение Маркса и таким образом ослабить впечатление от его последовательности и логичности. Автор серии статей об экономическом материализме в истории профессор И. И. Кареев считает «безусловно верным» первоначально попытке провести своеобразную корректировку исторического материализма, приправив его идеализмом. Он считает, что «рабочее движение санкционировано моральными идеями» и «могло бы с одинаковым успехом существовать и добиваться своих целей и без этой историко-философской основы»⁹. Либеральный профессор дал в 1894 году лишь почин безуспешной работе всей буржуазной пропаганды, стремившейся всячески помешать соединению рабочего движения с научным социализмом. «Крестовый поход» против учения Маркса «Вестник Европы» начал два года спустя. Кичившийся своей объективностью журнал предпринял попытку даже не ревизии отдельных положений революционной теории, а тотальной ее критики, не особенно заботясь о литературной честности. В главе анализируются пропагандистские цели так называемой «резвой свободной критики», начатой якобы «в интересах научной правды».

Журнал направляет свою энергию на доказательство ненаучности прежде всего экономического учения Маркса, утвер-

⁹ «Вестник Европы», 1894 г., кн. 9, стр. 274.

ждая, что немецкий политэконом «не внес» в существовавшее учение о ценности ничего нового, что могло бы считаться серьезным вкладом в науку. Настойчиво проводит также мысль об истинности только той науки, которая выше всяких сословных интересов. Поэтому главным «грехом» Маркса перед наукой, по мнению журнала, является «наиболее полная и решительная теоретическая защита интересов трудящихся народных масс». Доказательство гармонии интересов капиталистов и всех других слоев общества является основной пропагандистской задачей либерального «Вестника Европы». В этом отношении его можно назвать энциклопедией для современных реформаторов капитализма, многие идеи которых он предвосхитил. Журнал настойчиво убеждал своих читателей в непригодности марксизма, как практической программы действий, для России: «Нам абсолютно нечего делать с доктриной Маркса и она не должна была бы иметь у нас никакой почвы»¹⁰. «Вестник Европы» упрекает поэтому русскую «так называемую интеллигенцию», как выражается его «ведущий специалист» по вопросам марксизма Л. З. Слонимский, в том числе и Н. И. Зибер и Н. К. Михайловского за «некритическое отношение к новой западной доктрине», за «слепое подчинение» научному авторитету Маркса. Таковы основные стратегические цели антимарксистской пропаганды журнала в рассматриваемый период.

Приемам и методам антимарксистской пропаганды в «Вестнике Европы», раскрытию ее связей с задачами практической борьбы буржуазии за руководящую роль в демократическом движении посвящена значительная часть главы. На основании анализа подписки, социального и образовательного уровня читателей автор показывает, как умело «Вестник Европы» — этот рупор русской буржуазии использовал психологические особенности разных слоев читателей при выборе аргументации и пропагандистских средств. Здесь и апелляция к чувствам собственника, к его страху перед революцией, и спекуляция на сочувствии прогрессивной интеллигенции народным бедствиям, на ее надклассовых иллюзиях, стремлении к социальной справедливости. Демагогически использовался также факт экономической отсталости страны, неразвитость общественных отношений.

Изучая аргументацию и пропагандистские приемы в статьях об экономическом и историческом материализме, автор приходит к выводу, что respectable «профессорский»

¹⁰ См. «Вестник Европы», 1897 г., кн. 8, стр. 765, 767.

журнал ради опровержения опасного для буржуазии учения сознательно дает читателям искаженное представление о марксизме. «Противники революционной социал-демократии...», — писал В. И. Ленин о теоретических спорах во второй половине 90-х годов, — пускали в ход прием доведения до абсурда ее взглядов и малевания ради удобств полемики — карикатурного марксизма»¹¹. Слова эти целиком и полностью относятся к «Вестнику Европы», претендовавшему на беспристрастие и объективность. Фальсификация марксистского учения в нем проводилась главным образом под флагом «истинной науки», хотя журнал не отказывался и от обычных приемов буржуазной пропаганды: эмоциональных оценок, навешивания ярлыков, призывов к «здоровому смыслу», использования некомпетентности читателей.

Заметно меняется тон пропаганды и ее направленность в «Вестнике Европы» после организационного оформления русской социал-демократии. Ее практическую программу либеральный журнал использует прежде всего для внедрения в общественное сознание мысли о необходимости противоядия революционной партии в форме «свободных учреждений», при которых, считает он, «резкая грань между социалистической и другими партиями ступшевается». Появляется новый акцент в пропаганде — борьба за союзников. «Вестник Европы» заигрывает с разбитым идейно, но еще влиятельным течением общественной мысли — народничеством.

Характерна в этом отношении статья «Наши направления» в декабрьской книжке журнала за 1901 год — надгробное слово старому народничеству и в то же время призыв к возрождению его на основе либеральной программы. Главную причину упадка «теоретического народничества» журнал видит в том, что оно «погналось за журавлем в небе», т. е. за социализмом, «пыталось совместить служение крестьянству с поклонением научному авторитету Маркса... Высмеивая русский либерализм с его скромными принципами, наши теоретики народничества с г. Михайловским во главе отрицали в сущности единственный возможный путь к постепенному достижению их собственных идеальных целей»¹².

«Вестник Европы» утешает побежденных описанием «кризиса» в лагере русской социал-демократии, подтверждающим якобы бесплодность марксизма в России, после чего уже на-

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 13.

¹² «Вестник Европы», 1901 г., кн. 12, стр. 816.

прашивался вывод: «Известный род либерализма, соответствующий настоящим народным потребностям, должен сделаться общим достоянием всех добросовестных направлений в качестве предварительного условия всякой деятельности на пользу страны и народа»¹³.

В борьбе с практической программой русских социал-демократов либералы вырабатывали собственную. В той мере, насколько это отвечало классовым интересам, буржуазные публицисты из «Вестника Европы» отшлифовывали на оселке марксизма пункты программы будущей кадетской партии. Теперь на страницах журнала упрощенный и вульгаризированный марксизм служит негативным фоном, призванным оттенить «достоинства» реформистских решений «запутанных и грозных социальных вопросов». «Вестник Европы» как общественно-политическое издание, выражавшее интересы крупной буржуазии, в своей пропаганде решительно и безусловно размежевывал либерально-буржуазное и социал-демократическое движение, не желая иметь с последним ничего общего.

Идея совместных действий оппозиции настойчиво пропагандировалась журналом «Русская мысль», публицистика которого в ее отношении к пролетарской идеологии рассматривается во второй главе — «Русская мысль»: попытка примирения».

Накануне 1905 года В. И. Ленин писал: «У нас в России одной из самых распространенных и живучих иллюзий является та, будто наше либеральное движение не есть буржуазное движение, будто предстоящая России революция не есть буржуазная революция»¹⁴. Эту иллюзию всячески поддерживал и распространял журнал В. А. Гольцева, стремившийся быть органом всей русской прогрессивной интеллигенции. В начале 90-х годов он отделился от либералов из «Вестника Европы» как откровенных идеологов буржуазии; обвинял журнал в том, что народ для него «является только грубой массой, объектом управления», подчеркивал свой особый «русский либерализм, всегда отличавшийся ярко демократическим характером», пытавшийся «понять землю при свете европейской науки».

Поскольку в это время наиболее влиятельным течением общественной мысли продолжало оставаться народничество, «Русская мысль» стремилась сделать его своим союзником. Либеральные публицисты вели в журнале пропаганду союза, используя теоретическую непоследовательность и реформист-

ские иллюзии народничества, подчеркивая точки соприкосновения его с либерализмом: «Многие средства и формы защиты народных интересов, проводимые народниками, можно встретить и в программе либералов; дело не в слове, а в содержании, не в имени направления, а в программе»¹⁵. Журнал хоронит народничество как самостоятельную политическую партию, пытается пристроить его в хвост либералам: «Наше народничество найдет свои корни не прежде, чем признает себя частью той интеллигенции, которую они теперь порицают. Не в ревниво самолюбивом отгораживании «своего собственного помещения» заключается здоровая партийная политика, не в задоре новаторства заключается истинная партийная тактика, а в умении отыскивать свое настоящее место»¹⁶.

Наиболее опасным пропагандистским приемом либералов для оправдания претензий на руководство демократическим движением были попытки доказать, будто родоначальниками «народных защитников» были просвещенные либералы, боровшиеся за благодетельные для народа реформы еще в те времена, когда не было ни народнического ни марксистского движения. Отсюда и своеобразная трактовка в журнале заслуг К. Маркса, который всего лишь «снял тяжелое обвинение» с экономической науки, утверждавшей до него о невозможности роста зарплаты на том основании, что ее источником является основной капитал. «Доказав несостоятельность этой теории, открыв действительный источник вознаграждения рабочих в прибавочной стоимости, создаваемой ими, К. Маркс обосновал условия мирного разрешения теперешнего антагонизма»¹⁷.

«Русская мысль», всегда очень чуткая к «новым веяниям», раньше других изданий 90-х годов обратилась к историко-философской концепции Маркса. Авторы статей «Одна из гипотез о сущности исторического процесса», «Социальные предсказания», «Социология на экономической почве», «Историческая эволюция и психологические законы», рецензий на книги К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова и «легальных марксистов» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского) дают неискаженное представление о рассматриваемом предмете, много и полно цитируют «Капитал», «Анти-Дюринг», «Манифест Коммунистической партии», «Происхождение семьи...».

Такая объективность не означала признания и принятия марксизма, хотя и способствовала его распространению среди

¹³ «Вестник Европы», 1901 г., кн. 12, стр. 824.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 131.

¹⁵ «Русская мысль», 1893 г., кн. 10, стр. 69.

¹⁶ «Русская мысль», 1893 г., кн. 10, стр. 253.

¹⁷ «Русская мысль», 1890, кн. 7, стр. 27.

читателей. Анализируя статью П. Ф. Николаева «Одна из гипотез о сущности исторического процесса», автор диссертации выявляет целую систему пропагандистских приемов создания предубежденности у читателя к рассматриваемому учению при отсутствии прямой враждебности или фальсификации. Например, после верного изложения сути исторического материализма Николаев прибавляет от себя: «Не предвещая вопроса о правильности этой гипотезы, нельзя не заметить, что определенность и последовательность различных понятий, составляющих гипотезу, всегда более или менее располагает в ее пользу и заставляет относиться к ней с некоторым доверием»¹⁸. Прием «незаинтересованного» комментирования наиболее часто используется в «Русской мысли» при обращении к марксизму. С «сожалением» констатируя «скромность литературного багажа гипотезы», объясняя это обстоятельство «партийным способом происхождения исторической концепции Маркса», Николаев усиливает недоверие читателей к ней. В самом заголовке, в сознательно вульгарном толковании впечатления, якобы производимого термином «экономический материализм» на публику, в том, что он употребляет исключительно слово «гипотеза», т. е. нечто предполагаемое, но не доказанное, не приобретающее права называться научной теорией, — во всем совершенно ясно прослеживается и позиция журнала и цель публикации: посеять сомнения в глубокой научности и истинности марксистского историко-философского учения.

Нередко «Русская мысль» полемизировала с вульгарными интерпретаторами, зарубежными и отечественными, призывая к ответу за их писания основоположников доктрины — обычный прием в журнале для утверждения тезиса об «односторонности» марксизма. В. А. Гольцев в статье «Социология на экономической почве» пытается выдать политическую программу и требования либералов, вызванные к жизни вполне материальными интересами буржуазии, за нечто сугубо идеальное по происхождению, чего якобы не хватает «одностороннему экономическому материализму», вычитанному им в книге А. Лориа «Экономическая теория политического строя».

До середины 90-х годов журнал «Русская мысль» держал курс преимущественно на сотрудничество с народничеством, осторожно, с оговорками используя в своей пропаганде народнические тезисы. С 1895 года русский пролетариат заявляет о себе многочисленными стачками, начинается слияние рабочего

движения с научным социализмом, учение Маркса все более приобретает роль практической программы действий. Гольцев, понимая, какое «умственное движение» и какой класс обладают реальными возможностями для завоевания политических свобод, обращается к марксистам с предложением сотрудничать.

В главе рассматривается самая длительная в 90-х годах полемика вокруг Маркса, интересная уже тем, что на страницах одного издания выступили народники (Л. Е. Оболенский), легальные и революционные марксисты (П. Б. Струве, Г. В. Плеханов), либералы (В. А. Гольцев). Сначала «Русская мысль» взяла на себя роль третейского судьи в давно начавшемся споре, попыталась найти «то многое, что может и должно было бы объединить народников с марксистами», встав (что очень показательно) на точку зрения «строго научного, внепартийного рассмотрения вопроса, затронутого полемикой»¹⁹. Статья Оболенского «Новый раскол в нашей интеллигенции» вместо примирения лишь подлила масла в огонь приверженностью ее автора «старым устоям». «Внепартийного рассмотрения» не получилось; Струве по всем пунктам обвинения возражал оппоненту; в частности, резко и убедительно опровергал мысль его — миновать стадию капитализма путем «теоретического ознакомления» с западно-европейским общественным устройством: «Мы убеждены, что историческую силу представляют только идейные движения масс: «теоретическое переживание капитализма» бессильно и бесплодно вне взаимодействия с практическим переживанием капитализма народными массами, оно не может остановить процесса экономического развития»²⁰. Оболенский отвечал на возражения, полемика продолжалась.

Представляя для нее страницы своего журнала, Гольцев не намеревался найти в споре истину. Его заинтересовали новый противник самодержавия в лице рабочего класса и новая оппозиция либерализму в лице русских учеников Маркса. Для него еще неясна разница в практических программах ортодоксальных и неортодоксальных последователей немецкого ученого — он хочет вызвать их на откровенность: кто более мирно настроен в средствах достижения конечных целей.

В «Русской мысли» перед самым началом полемики появилась статья Гольцева «Историческая эволюция и психологические законы», необычно откровенная для публицистики журнала, отличавшейся обычно витиеватостью стиля и расплывчатостью

¹⁸ «Русская мысль», 1891 г., кн. 5, стр. 57.

¹⁹ «Русская мысль», 1895 г., кн. 8, стр. 29.

²⁰ «Русская мысль», 1896 г., кн. 2, стр. 103.

стью мысли, когда дело касалось позиции издания. Эта статья — своего рода разъяснение условий, на которых либералы готовы сотрудничать с «новым умственным течением». В ней совершенно четко определены и расхождения: «Наше главное возражение против теории экономического материализма заключается в утверждении, что законы исторического (читай: капиталистического. — В. З.) развития подлежат не отмене, а регулированию со стороны критической мысли в сторону желательных идеалов общественного устройства»²¹.

Гольцев чувствовал, что Струве — марксист не настоящий, и, давая ему слово в своем журнале, ждал от него такой же откровенности. Но Струве воспользовался трибуной «Русской мысли» только для полемики с народничеством и доказательством исторической прогрессивности капитализма; конкретно о практических целях своего направления и средствах их достижения он не стал говорить. Тогда Гольцев публикует статью «Об экономическом материализме», где совсем не в полемическом тоне пишет о теоретическом («является попыткой философского объяснения исторического развития человечества») и практическом («представляет программу для общественной деятельности и государственной политики») значении марксизма. Его мысль о том, что «капиталистические производственные отношения вызовут иной экономический строй, совпадающий с тем, что мы называем требованиями справедливости»²², в пропагандистском плане — прощание с народничеством как союзником, пожертвованным в новой попытке примирить либерализм и марксизм (струвистского оттенка) не только на страницах журнала, но и в практической деятельности. Но и эта попытка не имела успеха; Плеханов в открытом письме к Гольцеву хотя и писал, что «с людьми вашего направления экономические материалисты могли бы сойтись во многом»²³, но больше настаивал на расхождениях, как теоретических, так и практических. И союз со Струве не удался либералам; на его позицию в те годы сильно влияли революционные марксисты: «... «толчок влево», данный тогда г-ну Струве петербургскими социал-демократами, не остался совсем безрезультатен»²⁴. Poleмика, не оправдав ожиданий ее организатора, тем не менее, способствовала дальнейшему распространению марксизма среди читающей публики и росту авторитета журнала.

²¹ «Русская мысль», 1895 г., кн. 7, стр. 136.

²² «Русская мысль», 1896 г., кн. 4, стр. 132.

²³ «Русская мысль», 1896 г., кн. 9, стр. 106.

²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 98.

Однако «Русская мысль» не оставляет надежд на «координацию практических действий» с течением мысли, выражающим интересы рабочего класса и связывающим с ним свои политические цели. Журнал использует теперь в пропагандистских своих попытках тезис об интеллигенции как независимом и самостоятельном «разряде средних людей», который «уже с сороковых и во всяком случае с шестидесятых годов по самой своей сущности, как разряд неклассовый, является ничем иным, как представителем труда»²⁵. Идею о надклассовости интеллигенции «Русская мысль» делает в своей пропаганде главным «теоретическим» оправданием желаемого союза с марксистским течением: «У нас пока не может существовать никакой особой пролетарской идеологии, кроме той, которая уже и раньше существовала у разнородной интеллигенции»²⁶. Такое установление преемственности нужно либералам для доказательства своего «приоритета» в защите трудящихся и обоснования нынешних претензий на представительство народных интересов.

Неразвитость политической жизни и классовых антагонизмов в России, постоянно подчеркиваемая журналом «приверженность народным интересам» давала общественному мнению основание до середины 90-х годов видеть в нем либерально-народническое издание, несмотря на либерально-буржуазный характер выдвигаемой им практической программы. Сущность «особого либерализма» Гольцева и журнала «Русская мысль», его классовая ограниченность, долго маскируемая «широтой, объективностью, беспристрастностью взглядов», — истинное содержание такого идейного плюрализма окончательно прояснилось только в контактах с марксистской идеологией. С наигранным сожалением писала «Русская мысль» в 1898 году: «Бывают такие эпохи, когда для общественного деятеля... надо быть или ничем, или «нашим», или «не нашим»²⁷. Наступили такие времена, когда камуфляж стал невозможен, и «Русская мысль» сомкнулась в непримиримой враждебности к марксизму и в практической программе с «Вестником Европы», от которого четверть века пыталась отмежеваться, прискивая для своего «направления» подходящую по обстоятельствам идейную окраску.

Наиболее радикальным течением русской либеральной мысли 90-х годов был «легальный марксизм», чьим изданиям по-

²⁵ «Русская мысль», 1897 г., кн. 11, стр. 507.

²⁶ «Русская мысль», 1898 г., кн. 6, стр. 243.

²⁷ «Русская мысль», 1898 г., кн. 2, стр. 74.

священа третья глава — «Новое слово» и «Начало»: проблема выбора». Лидеров «легального марксизма» — П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и других не устраивали позиции, занятые «Вестником Европы» и «Русской мыслью» в вопросе о будущем государственном устройстве страны и методах борьбы за политические свободы. В. И. Ленин писал в 1903 году: «Г-н Струве совершенно не в состоянии понять революционного отношения к половинчатым реформам, предпринимаемым для избежания революции... Неудивительно, конечно, что ставши реформатором, г. Струве утратил способность понимать двусторонний характер реформ и значение их как орудия укрепления господства правящих... Но... было время, когда г. Струве понимал эту удивительно хитрую механику. Давно это было, когда он был «чуть-чуть марксистом» и когда мы вместе с ним сражались с народниками на страницах покойного «Нового слова»²⁸.

Откровенный реформизм «Вестника Европы», народнические идеи о будущем капитализма в России, общинные и артельные симпатии, а главное, недостаточно решительные намерения либералов возглавить освободительное движение в гольцевском журнале давали достаточно оснований радикально настроенным «буржуазным демократам»²⁹, как называл «легальных марксистов» В. И. Ленин, считать свое «умственное течение» отличным от направления двух авторитетных либеральных изданий. «Чуть-чуть марксисты» в те годы не пошли в «Русскую мысль», чего так добивался ее редактор, а приобрели погибающий из-за отсутствия подписчиков народнический журнал «Новое слово». Вышло всего десять номеров в их редакции: в декабре 1897 года Совещание четырех министров запретило его навсегда «за распространение вредных идей, подрывающих основы государства, за пропаганду социализма». Год спустя «легальным марксистам» удалось организовать издание журнала «Начало», запрещенного еще быстрее — на шестом номере. Известно, что в этих журналах приняли участие и революционные марксисты.

Ближайшей практической задачей, объединившей в «Новом слове» и «Начале» «людей крайних с людьми весьма умеренными»³⁰ была борьба с народничеством; с этой стороны издания «легальных марксистов» изучены достаточно полно. Автор, анализируя некоторые статьи Г. В. Плеханова в «Новом слове», стремился показать, как революционные марксисты под

видом совместной борьбы против изжившей себя идеологии народничества успешно противостояли попыткам «буржуазного оскотления марксистских истин»³¹ со стороны либералов.

Но и «умеренные», встав в борьбу за злобу дня на платформе марксизма, преследовали собственные политические цели. Это обстоятельство наложило своеобразный отпечаток на публицистику «Нового слова» и «Начала», что должно учитываться при анализе и оценке статей П. Струве, М. Туган-Барановского, В. Поссе, С. Булгакова, В. Богучарского. Между тем в работах, посвященных печати «легального марксизма», ощущается тенденция вывести ее из общего лагеря либерально-буржуазной прессы.

«Легальные марксисты» объявили себя сторонниками рабочего класса, они заговорили о закономерности классовой борьбы пролетариата. Автор раскрывает эту позицию, рассматривая серии статей П. Струве «На разные темы» и В. Зомбарта «Социальное движение в 19-м столетии», рецензию М. Туган-Барановского «Генри Джордж и национализация земли», «Письма из-за границы» А. Водена (Скептик) и И. Гурвича, обзора «Из жизни провинции» и «Отголоски русской жизни» В. Богучарского, «Иностранное обозрение» В. Поссе, где пропагандировалось, пусть не всегда последовательно, одно из принципиальных положений марксизма — о непримиримости интересов труда и капитала. Так, Туган-Барановский для доказательства методологической несостоятельности книги Генри Джорджа «Прогресс и бедность» приводил такой аргумент: «Основная ошибка Джорджа заключается в отрицании самого глубокого антагонизма современного общества — антагонизма труда и капитала. Джордж решительно отрицает, чтобы интересы рабочего и предпринимателя, пролетария и капиталиста были различны... Он поставил себе совершенно неразрешимую задачу — сохранить в полной неприкосновенности существующие отношения между трудом и капиталом и произвести полный переворот в условиях жизни большинства населения, уничтожить бедность, промышленные кризисы, неравенство»³².

В других материалах настойчиво проводилась мысль, что «нельзя проповедями и воззваниями побудить людей, стоящих у власти, к добровольной уступке их положения»³³, что только революционный переворот приводил к действительной перемене общественных отношений. Либералы струвистского направ-

²⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 208.

²⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 96.

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 16.

³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 69.

³² «Новое слово», 1897 г., кн. 9, стр. 121—124.

³³ «Новое слово», 1897 г., кн. 1, стр. 128.

ления понимали, что «только сила организованного пролетариата свергнет самодержавный произвол и завоеует политическую свободу», которой должны воспользоваться главным образом они — «новые друзья пролетариата»³⁴. Чтобы захватить политическое руководство рабочим движением, они могли говорить о революционном насилии, использовать марксистскую терминологию, проповедывать классовую борьбу, необходимость самостоятельной рабочей партии, имея в виду предложить себя на роль вождей. На примерах нарочито общих фраз, расплывчатых формулировок, якобы извинительных по цензурным условиям, в диссертации раскрываются пропагандистские приемы маскировки истинных целей буржуазных демократов, ставших «легальными марксистами».

Объявив себя защитниками интересов рабочего класса, они в «Новом слове» и «Начале» вынуждены были вступить в косвенную полемику с «Вестником Европы» и «Русской мыслью», критиковать то, чему поклонялись два крупнейших либеральных издания — буржуазный парламентаризм на Западе и русские «зачатки конституции» — земства. Для Струве и других «умеренных» резкая антибуржуазная направленность статей о политической и экономической жизни европейских стран и Америки была лишь средством завоевания популярности, оправданием претензий на руководство рабочим движением. Автор отмечает несомненную ценность разоблачения классовой сущности буржуазного государства, срывания идеологических покровов с западной демократии для революционизирования русского общества, для его политического воспитания.

Критика земства в журналах — это борьба за власть между молодой русской буржуазией и старым дворянством, которое в середине 90-х годов все настойчивее добивалось от самодержавия дополнительных привилегий, решительной защиты интересов крупных землевладельцев: «Спустя тридцать пять лет после реформы совещанием губернских предводителей дворянства правительству был предъявлен счет. Оно оказывалось виновником постигших дворянство невзгод... Все экономическое развитие после 1861 г. со всех сторон громко провозглашалось ошибочным, губительным для дворянства»³⁵. И правительство пошло на уступки: был организован Дворянский банк, финансируемый из государственной казны, создано Особое совещание по дворянскому вопросу, еще ранее утверждено институт

³⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 340.

³⁵ Ю. Б. Соловьев. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973, стр. 223—228.

земских начальников, обычно назначаемых губернаторами из уездных и губернских предводителей дворянства. В. И. Ленин писал, что «земства в России целиком отданы в руки крепостников-помещиков», число гласных из дворян в них равнялось 53,4 процента³⁶.

В этих условиях наиболее радикальные идеологи русской буржуазии повели борьбу с дворянством на почве местного самоуправления, обсуждение которого в печати дозволялось цензурой. Публицисты «Нового слова» и «Начала» называли земства «органами классового господства», доказывали их неспособность решать местные вопросы в интересах большинства населения: «Их истинная цель — не благополучие крестьян, а децентрализация власти в руках «знающих обстоятельства» местных помещиков»³⁷. Либерализм буржуазный из соображений борьбы за власть, за главенствующую роль в государстве представляемого им класса развенчивал либерализм дворянский.

Полемичность — характерная особенность анализируемых в главе изданий. «Легальные марксисты» обоснованно и верно критикуют западный парламентаризм, буржуазную демократию, земства, общины, идеологию народничества. Но обращает на себя внимание почти полное отсутствие выводов из критики, собственной положительной программы действий даже в той мере, в какой она присуща «Вестнику Европы» и «Русской мысли». Давно известна в русской журналистике негативная форма утверждения, когда по цензурным соображениям нельзя высказаться прямо и откровенно. К такому приему прибегали обычно в «Новом слове» и «Начале» революционные марксисты. «Умеренные» также сознательно используют его для маскировки узкоклассовых практических целей своей пропаганды.

Струве и его единомышленники боролись с народниками, чтобы нейтрализовать в общественном мнении неприязнь к капитализму, к буржуазности, воспитываемую «друзьями народа» на протяжении трех десятилетий, внедрить в сознание прогрессивной интеллигенции политические идеалы развитого буржуазного строя. Вести такую пропаганду нужно было очень виртуозно. Струве понимал, что Н. К. Михайловский, например, имеет больше оснований выступать от имени народа, чем либералы его круга; и он критикует народничество с марксистских позиций, добиваясь тем самым сразу двух целей: и научного оправдания капитализма, неизбежности его в эволюции

³⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 91.

³⁷ «Начало», 1899 г., кн. 1—2, стр. 125.

человеческого общества, и повышения представляемого им течения из ранга либералов а la «Русская мысль» в ранг демократов, непримиримых противников самодержавия.

Здесь-то и начинались у «легальных марксистов» сомнения, здесь они останавливаются перед выбором: либо использовать учение Маркса только как теоретическую основу пропаганды гражданских и политических свобод, либо выработать конкретную практическую программу насильственного свержения монархии силами рабочего класса, руководимого буржуазной демократией. На страницах «Нового слова» и «Начала» такой выбор не состоялся; были отдельные попытки ревизии некоторых философских положений марксизма в сугубо теоретических статьях С. Булгакова «Закон причинности и свобода человеческих действий» и П. Струве «Еще о свободе и необходимости», началась «историческая критика» Маркса в аграрном вопросе (С. Булгаков), звучали реформистские ноты в отчете с Международного конгресса по вопросам законодательной охраны рабочих и в статье о Ф. Лассале. Радикальные идеологи русской буржуазии пока только нащупывали менее опасную для своего класса тропинку, куда можно было бы направить впоследствии рабочее движение, не оставляя совсем мысли о «своей» революции. Но выбор они сделали очень быстро, став откровенными реформистами. В. И. Ленин писал, что если русские социал-демократы до 1901 года поддерживали еще отношения со Струве как политиком, то «в 1901 году ему объявляется война, как либералу, неспособному отстаивать сколько-нибудь последовательно даже чисто демократические требования»³⁸.

В конце главы автор рассматривает практические мотивы сотрудничества «крайних» с группой Струве в издании журналов, подчеркивая, что значение статей В. И. Ленина и его соратников не исчерпывается только теоретическим разгромом экономических и социологических доктрин народничества. Они пропагандировали действительно научную революционную теорию в той аудитории, на которую были рассчитаны «Новое слово» и «Начало», в максимально возможных для подцензурного издания пределах. В условиях преобладающей проповеди «малых дел» и «мирной работы» прогрессивная интеллигенция, жаждавшая настоящей деятельности, искала в журналах «легальных марксистов» ответы на вопрос «что делать?». И находила среди вынужденных недоговоренностей и иносказаний именно то, что хотели внушить ей публицисты из «крайних».

³⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 99.

Плюсы от союза со становящимися «под знак критики» Маркса «умеренными» в тех условиях значительно превосходили отрицательный эффект от их непоследовательности. Умелая тактика позволила русским социал-демократам получить трибуну легального периодического издания и свыше года использовать ее в интересах рабочего класса.

В заключении подводятся итоги исследования, подчеркивается, что несколько десятков оригинальных статей об экономическом материализме (не считая рецензий и аннотаций), опубликованных в 90-х годах авторитетными либеральными журналами, представляют серьезный фактор общественно-политической жизни предреволюционной России. Их нельзя игнорировать, изучая историю русской журналистики конца XIX века. Либеральные публицисты в целом верно пересказывали в своих статьях некоторые важные теоретические положения марксизма, в частности, о враждебности интересов пролетариата и буржуазии, о неизбежности классовой борьбы между ними на экономической почве. «Легальные марксисты» проповедывали ее даже в политике, не доходя, правда, до признания права рабочего класса на захват государственной власти.

Либеральная пресса, проявившая особый интерес к учению о классовой борьбе, представила русскому общественному мнению пролетариат не бесправным «четвертым сословием», а «серьезной политической силой», с которой надо считаться. Если народническая публицистика преимущественно зывала к государству об облегчении участи пролетариев, то либеральная пугала правящие круги их силой и организованностью еще до первых массовых выступлений петербургских рабочих. «Рабочий вопрос» в русской легальной журналистике 90-х годов предстал в совершенно ином, грозном аспекте, что является темой самостоятельного исследования, также как и вопрос о влиянии марксизма на характер публицистики и классово-партийную дифференциацию прессы начала XX века.

И хотя революционные выводы учения Маркса либералы искажали или пытались использовать для давления на самодержавие в интересах своего класса, такое широкое обращение к марксизму распаховало в какой-то мере целину общественного сознания, которую потом заседала социал-демократическая пропаганда. Она в легальных и нелегальных формах успешно противостояла вульгаризации и ревизии революционного учения, не позволила исказить его в целом, и твердо взяла курс на соединение научного социализма с рабочим движением.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Разрыв В. Г. Короленко с журналом «Русская мысль». Вестник МГУ, серия «Журналистика», 1974, № 5, 0,75 п. л.

2. В условиях подцензурности. «Демократический журнал», 1975, № 2, 0,5 п. л.